
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 291.5: 94(470.315)

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-485-490

ЭТИКА ГОНИТЕЛЕЙ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ СОЦИУМ И АНТИЦЕРКОВНАЯ ПРАКТИКА (1918–1941)

THE ETHICS OF PERSECUTORS: THE PROVINCIAL SOCIUM AND ANTI-CHURCH PRACTICE (1918–1941)

И.И. Булычев, Ю.А. Иванов

I.I. Bulychev, Yu.A. Ivanov

Ивановский государственный университет, Шуйский филиал,
Россия, 155908, Шуя, ул. Кооперативная, 24

Shuya Branch of Ivanovo State University
Russia, 155908, Shuya, Kooperativnaya st, 24

E-mail: iv_shuya@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности антицерковной практики в российской провинции в 1918–1941 гг. В качестве примера рассматривается ситуация в г. Шуя Ивановской области. События в городе в 1922 г. положили начало государственным гонениям на церковь в XX в. Изучается хронология антицерковных мероприятий, включая деятельность властей, реакцию населения и этические аспекты проблемы.

Abstract. Manifestations of the Soviet "militant atheism" of the 1920–1930s are usually characterized as the disintegration of ethics, the abolition of ideas about good and evil and the total penetration of anti-religious practices in everyday life. The reality was more complex and varied than ideological attitudes and sociological schemes. The specifics of the Russian province of that time explains a lot in the "scientific atheism" of the second half of the twentieth century, and the subsequent mass "churching" of the provincial inhabitant in the early XXI century. The article reveals the features of anti-church practice in the Russian province in 1918–1941. As an example, the situation in Shuya, Ivanovo region, is considered. Events in the city in 1922 marked the beginning of state persecution of the church in the twentieth century. The chronology of anti-church activities is studied, including the activities of the authorities, the reaction of the population and the ethical aspects of the problem.

Ключевые слова: этические проблемы, пропаганда, антицерковное законодательство, провинциальный социум, закрытие храмов, верующие и безбожники.

Key words: ethical problems, propaganda, anti-church legislation, provincial society, churches closing, religious and atheists.

Проявления советского «воинствующего безбожия» 1920–1930-х гг. обычно характеризуются как распад этики, отмены представлений о добре и зле и тотальное проникновение антирелигиозной практики в обыденную жизнь. Действительность была сложнее и многообразнее идеологических установок и социологических схем. Конкретика российской провинции того времени многое объясняет как в «научном атеизме» второй половины XX в., так и последующем массовом «воцерковлении» провинциального обывателя в начале XXI в.

В 2007 г. в центре г. Шуя (Ивановская область) по благословлению патриарха Алексия II был открыт первый в России памятник «святым-новомученикам и исповедальникам российским». Место выбрано не случайно. Именно с шуйских событий марта 1922 г. начинается история государственных гонений на РПЦ в XX в. Поэтому особый интерес представляет местный опыт антицерковной практики 1920–1930-х гг.

Шуя в начале XX в. была не только городом с развитой текстильной промышленностью. Знаменитая далеко за пределами округа чудотворная икона Шуйской-Смоленской Божьей Матери в Воскресенском соборе, собиравшая на крестный ход тысячи богомольцев, 20 храмов, население с прочными православными традициями после октября 1917 г. оказались явно диссонансными с центром «красной» губернии, родиной первого Совета – Иваново-Вознесенском – еще недавно заштатным городом Шуйского уезда Владимирской губернии.

Трагические события в Шуе 4–15 марта 1922 г. в связи с изъятием церковных ценностей и последовавшее вслед за ним печально знаменитое секретное «шуйское» письмо В.И. Ленина членам Политбюро ЦК РКП (б) от 19 марта 1922 г. не только особой строкой вошли в российскую историю XX в., но и в определенной мере затмили реальные отношения властей и церкви в Шуе в 1920–1930-е гг.

Можно предположить, что у центральных властей существовало преувеличенное представление о «контрреволюционной» религиозности и «черносотенстве» шуйского социума, связанное с протестными событиями марта 1922 г. и показательным «расстрельным» политическим процессом, последовавшим за ним. В реальной антицерковной практике местных властей это не отразилось – предпринимаемые действия не выходили за рамки обычных мероприятий. А хлесткая фраза о крае как «русском Ватикане» осталась фигурой речи штатного «атеиста» [Ефанов, с. 5].

Прежде всего нужно отметить, что после показательного процесса по делу «шуйских церковников», проходившего в Иваново-Вознесенске в апреле 1922 г., и расстрела по приговору суда 10 мая трех «зачинщиков», включая настоятеля Воскресенского собора П. Светозарова, не последовало, как можно было ожидать, немедленного закрытия шуйских храмов, в том числе и главного – Воскресенского собора. Для представления о динамике процесса приведем хронологию закрытия храмов в Шуе – она сама по себе красноречива.

Первыми были закрыты бесприходные церкви – Никольская тюремная (1918) и Никольская гимназическая (1919). В 1923 г. закрыты 3 церкви, «имеющие характер домовых»: Александровская (училищная) и больничные Алексеевская и Васильевская; в 1924 г. – Ильинская; в 1929 г. – Спасская (взорвана 1 мая 1930 г.). Успенский единоверческий собор взорван летом 1932 г.; Троицкая кладбищенская закрыта в 1934 г.; старообрядческая Никольская – в 1935 г. Шесть храмов закрыты одновременно на излете «безбожной пятилетки» 2 октября 1937 г. – Воскресенский и Покровский соборы, Крестовоздвиженская, Георгиевская церкви, Никольский зимний храм у Воскресенского собора, Всехсвятская единоверческая церковь. Начиная с 1938 г., закрывали по одной церкви в год: Петропавловская, Никольская во Взрнове, Вознесенская кладбищенская. Последняя – Никольская (Преображенская в Мельничном) – закрыта перед началом войны в июне 1941 г. и была открыта первой в январе 1946 г., до 1991 г. была единственной в городе. Таким образом, процесс закрытия церквей, оживлявшийся только в период официальных антирелигиозных кампаний, растянулся на два десятилетия и во многом носил рутинный характер.

Рутинность практики закрытия и «перепрофилирования» храмов в провинции, как городской, так и сельской, лучше всего демонстрирует советское делопроизводство, отложившееся в архивах [Иванов, с. 90–94]. Закрытие храмов часто предшествовала передача их общинам обновленцев (Воскресенский собор, Спасская и Петропавловская церкви), что в силу их малочисленности и отсутствия поддержки среди прихожан вело к запустению храмов, их закрытию с типичной формулировкой облисполкома «ввиду того, что религиозная община своим заявлением отказалась от пользования зданием церкви».

Хотя провинциальное священство дало массу примеров новомученичества (среди канонизированных в 2000 г. новомучеников не менее 19 непосредственно связаны с шуйской

округой), нельзя не признать далеко не единичных случаев перехода в обновленчество (кстати, совершенно не принятого провинциальным социумом) или сложения сана. В Шуе последний случай публичного сложения сана произошел в 1939 г., о чем сообщала всесоюзная газета «Безбожник». Этому «расстриге» власти предложили служить в первом вновь открытом храме в Шуе в 1946 г., но его не приняли сами прихожане.

В 1920–1930 гг. происходит смена локальных культов. На смену культу почитаемой в Шуе чудотворной иконы Шуйской-Смоленской Божией Матери и запрета крестных ходов в ее честь (по его маршруту до 1940-х гг. проходили демонстрации) приходит местный культ М.В. Фрунзе, революционная молодость которого была связана с городом: памятник, площадь, завод, типография, восемь улиц, носящих его имя, 22 мемориальные доски, неосуществленное «предложение трудящихся» переименовать город во Фрунзеград [Серп и молот, с. 10].

На этом фоне происходят первые «перепрофилирования» храмов. В апреле 1924 г. в шуйской газете «Серп и Молот» были напечатаны заметки о собраниях рабочих на местных фабриках, выносивших постановления об изъятии Ильинской церкви у общины верующих для использования под «аудиторию-театр». Несмотря на то, что община была зарегистрирована только в июле 1923 г., а протест против закрытия подписали 134 верующих, церковь была закрыта в октябре 1924 г. и переделана в фабричный клуб, получивший название «Безбожник». При этом новому клубу для переделки и использования не по назначению оставили аналои, ризы, орари, поручи-пояса, а также «покровы для жертвенников и мертвецов».

Закрытие храмов и передача их новым «хозяевам» сопровождалась своеобразной, стихийно складывающейся новой эстетикой освоения храмового пространства, особенно наглядное, в силу своей наивности, в провинции. Открытие культурных учреждений (клубы, залы и т. д.) в храмах чаще всего сопровождалось уничтожением не только церковной утвари и иконостасов, но и ликвидацией фресок. Их место занимала новая «иконография». Так, в Ильинской церкви-клубе «Безбожник» на алтарной стене разместили большую копию (6×2,5 м) картины «Расстрел 26 бакинских комиссаров». В физкультурном зале Шуйского учительского института – бывшей Александро-Невской церкви – на западной стене поверх фрески поместили копию картины Ф. Шурпина «Утро нашей Родины» со Сталиным. В то же время при использовании церковью как складских помещений (Воскресенский собор, Покровская церковь) фрески чаще всего не нарушались и даже не закрашивались. Вряд ли как целенаправленное и осознанное «осквернение» следует рассматривать размещение в алтарях котельных (Ильинская, Никольская старообрядческая церкви) или подсобных помещений (Никольский зимний храм), размещение дезинфекционной камеры больницы в Алексеевской церкви. Не ведали, что творят, подтверждая «банальность зла» по Х. Арендт.

«За кадром» оставались обыденные отношения церкви и властей, наступление на права верующих, где часто не «рука» ОГПУ-НКВД (хотя не обходилось и без нее: массовые аресты священников и церковных активистов 9–17 сентября 1937 г. можно рассматривать как месть за провал «безбожной пятилетки»), а финансовые отделы уездных исполкомов «правили бал». Материалы финотделов, культовых комиссий и протоколы заседаний исполкомов местных Советов однозначно свидетельствуют об этом.

В начале 1920-х гг. местные власти по указанию «сверху» провели регистрацию общин верующих («религиозных обществ»). Начиная с 1923 г., исполкомы городских и уездных Советов заключили с ними типовые соглашения, по которым здания церквей и все имущество сдавались «в пользование». Верующие обязаны были их «хранить и беречь как ... народное достояние», производить ремонт и нести расходы «по отоплению, страхованию, охранению, оплате долгов, местных налогов, сборов и проч.», возмещать все убытки и отвечать за сохранность имущества «солидарно (по круговой поруке)». В любое время представители власти могли проводить его проверку и осмотр и в случае обнаружения «злоупотреблений и растрат» потребовать «немедленной сдачи ... по первому требованию». К соглашению прилагался инвентарный список имущества, передаваемого в пользование. Так, например, список по Троицкой церкви в Шуе включил 65 названий от «пятиглавого каменного храма» до «склад-

ной лестницы» и «старого сундука для свеч». После изъятия ценностей из культовых серебряных предметов в этом храме оставили только один напрестольный крест, дароносицу и дарохранительницу.

К концу 1920-х гг. наряду с Троицкой общиной верующих в 50-тысячной Шуе были зарегистрированы еще 8 общин (включая единоверческую и старообрядческую), но только в этой кладбищенской церкви, окраинной и по дореволюционным меркам бедной, власти разрешили служить в редкие приезды в Шую Иваново-Вознесенскому епископу Августину.

Не довольствуясь прямым надзором, власти прибегли к помощи местных организаций созданного в 1925 г. «Союза безбожников». Комсомольская молодежь была наиболее активной частью «воинствующих безбожников». О морали молодых «борцов с религией» свидетельствует социологический опрос начала 1920-х гг., в ходе которого, по данным Н.Б. Лебиной, выяснилось, что в Шуе 60 % комсомольцев имели одновременно 2–3 интимных партнеров [Аргументы и факты, с. 9].

В 1928 г. представители «Союза безбожников» совместно с комиссией губернского общества краеведов разработали и разослали на места «Вопросник по собиранию сведений о религиозных группах Иваново-Вознесенской губернии». Краеведам предлагалось «доставать» «тезисы, резолюции, планы, программы, листовки, сметы религиозных групп», сигнализировать о формах и методах религиозной пропаганды, которые трактовались весьма широко: от проповеди до благотворительности и особенно – о формах «пропаганды против безбожия» со стороны верующих. По сути это был целенаправленный сбор материала для готовившегося властями церковного законодательства – постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и инструкции НКВД от 1 октября 1929 г. № 328 «О правах и обязанностях религиозных объединений», определивших на десятилетия отношения местных властей и церкви.

Запреты на создание кооперативов, обучение Закону Божьему, религиозную пропаганду, благотворительность сопровождалась непомерным налоговым гнетом. По подоходному налогу, земельной ренте, налогу на строения общины верующих были приравнены к государственным и кооперативным предприятиям. В 1930 г. земельный налог с Крестовоздвиженской церкви составлял 384 р., Воскресенского собора – 365, а с крупного предприятия – Шуйского спиртзавода – 660 р. [ГАИО, Ф. 155. Оп. 1. Д.3. Л. 107].

За недоимки госналогов верующим отвечать приходилось «солидарно». Ценности по недоимкам безжалостно изымались «рабочими бригадами горфо» и переправлялись в иностранный отдел Государственного банка. Для изъятия ценностей привлекался и окружной отдел ОГПУ, который передавал их по акту в горфинотдел. Следует отметить, что в Шуйском районе, согласно сохранившимся описям, при добровольном погашении недоимок ценностями чрезвычайно редко сдавали предметы культа (нательные кресты, ризы с икон). Зато при насильственном изъятии счет шел на сотни золотых и серебряных нательных крестов, других религиозных предметов, находившихся в личном пользовании [ГАИО, Ф.155. Оп.1. Д. 11. Л. 22, 24, 130].

К 1931 г. в стране была создана законодательная база, направленная на максимальное ограничение роли и влияния церкви в духовной жизни народа, что позволило властям 15 мая 1932 г. провозгласить «безбожную пятилетку». Цель ставилась четко: к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто на территории страны». «Воинствующие безбожники» взяли на вооружение глумление над верой и репрессии против священнослужителей, объявление Библии и Нового Завета «антисоветской литературой» и массовое закрытие и разорение храмов. Тем не менее в провинции не получили распространения антирелигиозные мистерии «красных крестин» и «красной Пасхи» соратников Емельяна Ярославского, этимологически восходящие к «всепьянейшим» соборам петровского времени. Даже в 1929–1930-х гг. на пике антирелигиозной кампании в антипасхальных мероприятиях присутствовал формальный подход, что проявлялось как в тематике субботних лекций накануне Пасхи («Борьба за новый быт, Пасха и безбожники», «Происхождение классовой сущности Пасхи», «Нужно ли печь куличи и готовиться к Пасхе»), так и в тревогах губернской печати главным образом из-за прогулов и

пьянства в связи с праздниками [Рабочий край, с. 11]. Сами активисты сетовали, что «попы действуют, а безбожники дремлют, ... антирелигиозная работа стоит на точке замерзания» [Рабочий край, с. 10]. Неслучайно и результат «безбожной пятилетки» оказался во многом неожиданным. В 1937 г. на 5-й партконференции в Иванове сообщалось, что в ходе только что состоявшейся переписи населения (итоги ее позднее были аннулированы) 54% жителей края, отвечая на вопрос: «Ваше отношение к религии?», написали «верующий» (37% в городе и 74% на селе), 45% – «крестили детей».

Однако размывание христианских этических ценностей под воздействием государственной пропаганды давало о себе знать. Это наглядно проявилось в «перерегистрации» памятников на городском кладбище и решении горсовета 8 июня 1930 г. о сносе бесхозных памятников. Практически никто из «бывших» не заявил о своем родстве: из нескольких сотен дореволюционных надгробий купцов, дворян, интеллигенции сохранилось только 7 [Ставровский, с. 5]. Впрочем, отказывались от перерегистрации и простые обыватели. Гранитными памятниками мостили дорогу к вновь открывавшейся больнице, мраморные, превращенные в крошку, пошли на лавки в городской бане.

Осенью 1929 г. Президиум ВЦИК запретил трезвон (звон во все колокола). Началась кампания по снятию колоколов с целью переплавки колокольной меди. В Шуйском районе кампания проходила в несколько этапов: самый большой колокол с колокольни Воскресенского собора был сброшен летом 1933 г. Кампания по сбору «церковной меди» доходила до абсурда – из пола Воскресенского собора попытались выковыривать вставки из медной проволоки. Вплоть до начала войны продолжались «эксперименты» по извлечению золота из позолоты икон и иконостасов путем ... их сжигания [Зимин, Кульков, с. 205–206].

Для провинции было характерно со стороны власти отсутствие идеологической «злонамеренности» многих антицерковных мероприятий и полное равнодушие основной массы обывателя к кощунственности происходящего. Утилитарный подход к церковному имуществу сглаживал циничность и аморальность происходящего и в какой-то мере примирял исполнителей и пассивных свидетелей.

Важным этапом наступления властей на церковь стали создание при местных Советах культовых комиссий и активизация работы по передаче церковных помещений под хозяйственные нужды. Утилизация начиналась со снятия крестов – обычная практика в провинции с 1929 г.

В октябре 1939 г. президиум Шуйского горсовета разработал порядок передачи церковных зданий. В феврале 1940 г. хлебозаводу была передана Покровская церковь, в феврале 1941 г. горпромкомбинату – Крестовоздвиженская церковь, в мае того же года горкомхозу разрешили сломать «на кирпич» Троицкую церковь.

Провинция не заметила указания сталинского политбюро от 11 ноября 1939 г. «Отменить директиву Ульянова (Ленина) от 21 мая 1919 г. «О борьбе против попов и религии». Это указание ряд исследователей считают началом ослабления давления на православие [Кожин, с. 49]. Закрытие храмов в Шуе продолжалось вплоть до начала войны.

К концу 1939 г. в самой Шуе не осталось ни одного действующего храма, но в пригородных поселках Мельничное, Взорново, Маремьяновка еще сохранились церковные общины. Включение поселков в городскую черту в 1939 – первой половине 1940 г. стимулировало новую волну «богоборчества» местных властей. В октябре 1939 г. была закрыта «для переоборудования под школу» Никольская церковь во Взорново.

Не всегда решение о закрытии и передаче удавалось провести одним решением исполкома, требовалась идеологическая подготовка. Так было с Вознесенской кладбищенской церковью в Маремьяновке. Договор с верующими расторгли в сентябре 1939 г. После этого в октябре 1939 г. – марте 1940 г. состоялись шесть собраний общественности: жителей близлежащих улиц, родителей школьников, общины слепых, рабочих строительного участка с требованием закрыть «очаг мракобесия» и открыть пионерский клуб. Победил все же «здравый смысл» – в мае 1940 г. церковь передали под склад зерна.

Единственный действующий храм остался в поселке Мельничное. Здесь у властей случилась редкая по тем суровым временам осечка: прихожане (около 250 человек) попытались не подчиниться, опираясь на законодательство 1929 г. Первая попытка закрытия была предпринята в 1940 г., но верующие провели довыборы церковной «двадцатки», пригласили нового священника и опротестовали решение местных властей перед Ивановским облисполкомом. Тогда культурная комиссия горисполкома в марте 1941 г. организовала в храме ревизию (первая с 1930 г.), в ходе которой выявилась недостача нескольких серебряных вещей. На этом основании договор расторгли, а новым членам «двадцатки» предъявили иск на недостающие ценности. В апреле Никольская церковь была закрыта и позднее передана под «ватное производство» горпромкомбинату. Последний действующий храм в городе и районе прекратил деятельность.

1930-е гг. дают примеры пассивного, в рамках существующего законодательства сопротивления прихожан закрытию храмов, которые чаще всего вели только к отсрочке неизбежного. В рутинности и инерции антицерковной практики в провинции налицо было отсутствие богоборческой сакральности, которую подменила хозяйственная повседневность и утилитарный подход, вроде просьб «забронировать за нашей фабрикой одну церковь для разборки» [Зимин, Кульков, с. 203]. Кошунственность происходящего совершенно не рефлексировалась исполнителями и, вероятно, не осознавалась как таковая, будь то сжигание икон и иконостасов для получения золота из позолоты (совершенно алхимический опыт) или изготовление банных лавок из могильных плит...

Хронологически растянутый процесс закрытия храмов в провинции, вопреки громким заявлениям и шумным антирелигиозным кампаниям в печати, оставляет открытым вопрос: был ли это «базовый» сценарий наступления на церковь со стороны власти с учетом местной специфики или сказалась традиционная заторможенность жизни уездного «захолустья» и ментальность обывателя, доставшаяся большевикам от дореволюционных времен.

Список литературы References

1. Аргументы и факты. 1995. № 51.
Argumenty i fakty. 1995. № 51.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
The State Archives of the Ivanovo Region.
3. Ефанов Э. Забытый участок // Рабочий край. 1934. 21 ноября.
Yefanov E. Zabytyy uchastok // Rabochiy kray. 21.11. 1934.
4. Зимин Д.И., Кульков А.П. Благословенный Шуйский край. Иваново, 2015.
Zimin D.I., Kul'kov A.P. Blagoslovennyy Shuyskiy kray. Ivanovo, 2015.
5. Иванов Ю.А. Местные власти и церковь в 1922–1941 годах (по материалам архивов Ивановской области // Отечественные архивы. 1996. № 4.
Ivanov YU.A. Mestnyye vlasti i tserkov' v 1922–1941 (po materialam arkhivov Ivanovskoy oblasti // Otechestvennyye arkhivy. 1996. № 4.
6. Кожин В. Победы и беды России: русская культура как порождение истории. М., 2000.
Kozhinov V. Pobedy i bedy Rossii: russkaya kul'tura kak porozhdeniye istorii. M., 2000.
7. Рабочий край. 1929. 25 апреля, 1 мая.
Rabochiy kray. 1929. 25/04, 1/05.
8. Рабочий край. 1929. 13 июля.
Rabochiy kray. 1929. 13/07.
8. Серп и молот. 1924. 30 мая.
Serp i molot. 1924. 30/05.
9. Ставровский Е.С. Шуйский некрополь. Шуя, 2009.
Stavrovskiy Ye.S. Shuyskiy nekropol'. Shuya, 2009.